

Алекс Хавр

Сказки Нового Времени,

**или что вам не говорили в школе,
да вы и не спрашивали**

Киев
Проект «Баловство»
2018

X12

Хавр А.

Сказки Нового Времени, или что вам не говорили в школе, да вы и не спрашивали — Бостон-Киев: Толиман, 2018. — 516 с.
ISBN 978-1-62540-070-3

Тайны Атлантиды! Заговор масонов! Полный список любовниц Людовика XIV! – Всего этого вы не найдёте в данной книге!

Вы будете благодарны автору за то, что он избавил вас от этой информации! Только факты, факты и ещё раз безудержная фантазия автора на тему этих фактов!

Не пропустите! Последняя гастроль сезона!

Заказать любое количество экземпляров
с доставкой практически в любое обитаемое место
можно здесь:

<https://balovstvo.me/khavr>

ISBN 978-1-62540-070-3

© Алекс Хавр aka Алексей Хаврюченко, 2018.

© Издание: проект «Баловство», 2018

Вступительное слово

Для чего нам это надо? А ни для чего!

«Песня крапивных побегов»

Книга эта появилась случайно. Как-то раз мне понадобилось проиллюстрировать одну очень интересную идею историческим примером. (Что это была за идея – уже не упомяну, настолько она была интересна). Я написал небольшую статью... и внезапно оказалось, что читателей привлекает история сама по себе, без всяких привязок к Глобальным Идеям Сегодняшнего Дня. Я решил написать ещё... потом ещё... а потом оказалось, что у меня есть готовый цикл, осталось лишь прошить статьи в единый корешок.

Естественно, для чтения с бумаги пришлось немного переформатировать текст, потому что гиперссылки и видео с YouTube на печать пока что положить не удаётся. Так что книга будет изобиловать маргиналиями¹, призванными дать краткую справку о некоторых словах и понятиях.

Сразу оговорюсь, что некоторые эпизоды и даже периоды истории я освещать не буду, поскольку они и без меня популяризованы в избытке. К примеру, я оставляю без внимания события, описанные в известных исторических фильмах и сериалах («Борджиа», «Тюдоры», «Чёрный Эддер», «Елизавета», «Игра престолов»...). Кроме того я полностью опускаю Великую Французскую Революцию 1789–95 годов и эпоху Наполеона – вот уж о ком написано и

¹ Маргиналия – комментарий на полях. Вы сейчас читаете маргиналию

снято вдоволь. Напротив, я стараюсь дать картинки из тех стран, которые обычно остаются обойдёнными вниманием школьных учебников по истории: Нидерланды, Швейцария, Испания после заката империи, Британия до её превращения в сверхдержаву (до викторианской эпохи).

К сожалению, пришлось недрогнувшей рукой выдрать главы о странах Восточной Европы, ибо пачка распечатанной бумаги уже грозила не влезть в дырокол. Будем надеяться, что они ещё обретут самостоятельную жизнь.

Я благодарен читателям моих статей за точные комментарии, исправление опечаток и общую благожелательность. Великих идей в книге нет... уже... я на это надеюсь... так что можете не опасаться заворота мозгов.

И это... не будьте слишком серьёзными при чтении. Да и вообще – улыбнитесь :)

Глава I
О наступлении новых
времён

*Часть первая.
Enfant terrible*

Des bateaux sont partis déjà sur l'océan
Pour y chercher la porte de la route des Indes
Luther va réécrire le Nouveau Testament
Et nous sommes à l'aube d'un monde qui se scinde

Корабли уже отправились в океан,
Чтобы найти проходы на пути в Индии.
Лютер скоро перепишет Новый Завет,
И мы видим восход мира, что разделится на части

«Notre-Dame de Paris», «Florence»

Abstract

О произвольности в установлении начала эпохи, первом причастии и Втором пришествии, а также о роли старых лицемеров в воспитании молодых идеалистов

Если кто-то ещё ждёт наступления новых времён, то должен вас успокоить – они уже наступили. Правда, это было 500 лет назад, так что эти новые времена уже немного устарели. Но лучше, чем ничего, согласитесь. Итак, мы говорим о приходе Нового времени.

Но почему именно оно? Почему не Античность, не Средневековье, не Новейшая история? А потому, что новые времена, как ни странно – это чисто европейское явление. Ни Великий Могол, завоевавший Индию, ни «собачий сёгун» Токугава Цунаёси, несмотря на наличие иезуитов и аркебуз, знать не знали, что живут в какие-то новые времена. Для них времена были всё теми же, что и раньше. И есть основания полагать, что именно приход новой эпохи сделал не только Европу, но и весь мир такими, какими мы их теперь знаем – с международным английским, стандартом железнодорожного полот-

на, дюймовой и метрической системами, правами человека, костюмом-тройкой и макдональдсами на каждом углу.

Как и во всякой классификации (да и вообще, со всем в этом мире), с историческими рамками Нового времени есть проблемы. Марксистская теория привязывала их к смене господствующего строя с его классовыми отношениями, и, соответственно, смену времён приурочивала к первой буржуазной революции... Точнее, не первой, а английской, которая и не первая (после голландской), да и не буржуазная, если приглядеться... Да и вообще, какой, нафиг, феодализм в эпоху буйно цветущих абсолютистских монархий? В общем, изначально красивая теория в этом случае ну уж совсем похабно врёт, поэтому о ней даже вспоминать не будем.

Прочие теории (точнее, описания) условно привязывают это самое наступление к различным ключевым датам: падению Константинополя (1453), первому плаванию Колумба (1492) или началу Реформации (1517). Есть и другие условные даты, но я на них останавливаться не буду. Так или иначе, постараюсь показать, что все эти события были взаимосвязаны, поэтому выделять их не имеет смысла – а то получится старый добрый спор о курице и яйце (как мы знаем, правильный ответ на этот вечный вопрос – «динозавры»).

Но для этого нам потребуется непредвзято посмотреть на место Европы в мире. В прямом смысле слова. Для этого вам нужен глобус – не карта (продавцы карт, пользуясь искажениями на плоских проекциях, бессовестно льстят, увеличивая размер той части света, в которой сбывают свою продукцию), а именно глобус. И тогда, взглянув непредвзятым взглядом, вы поймёте, что Европа – это медвежий угол Старого Света, неуклюже нависающий над огромными просторами Ближнего Востока и Северной Африки, холодный, неуютный, в течение многих тысячелетий не порождавший ничего, кроме орав злых варваров, на счету у которых, по крайней мере, две уконтрапуленных средиземноморских цивилизации. Разрушив последнюю из них – Римскую империю, эти варвары опять пропали из фокуса цивилизованного мира. Большинству света было плевать на все эти столетние войны и претензии пап на светскую власть; европейских варваров замечали только тогда, когда они вновь вторгались в культурные земли – на этот раз под знаком креста, и забывали вновь, стоило их отогнать подальше.

Настоящая жизнь бурлила в Дар аль-исламе – наиболее густонаселённом, многолюдном, технически развитом и культурном регионе мира (за вычетом Китая, который фактически существовал в изолированном анклаве). Там рождались передовые идеи, пересекались все торговые пути, существовало развитое товарное производство, причём не сырья, а высокотехнологичных продуктов: тканей, оружия, доспехов, предметов роскоши (ковров, ювелирных изделий стекла и зеркал...). Там правители поддерживали порядок, потому что от этого зависела торговля, а значит – и богатство. Там уже были заметны основы столь ненавистного многим из наших современников мультикультурализма². Туда хотели попасть все, кто вообще хотел чего-либо помимо своей унылой жизни.

После Четвёртого крестового похода (1204 год) торговлю с Востоком по нашу сторону Средиземного моря держали две республики – Венеция и Генуя. Два крохотных по европейским меркам города получали с неё такие барыши, что могли играть на равных с королями и императорами. И не было больших врагов ислама во всём христианском мире, чем они, поскольку ничто так не укрепляет ненависть, как богатство соседа.

Европейские монархи Позднего средневековья тоже были не дураки и не зря стремились получить туда свой доступ. Басни Марко Поло всерьёз не воспринимал никто. Но они, в отличие от Ричарда Львиное Сердце и Людовика Святого, умели считать деньги. А баланс был неутешителен – золото и серебро упорно утекало из Европы на Восток в обмен на то, что сами жители христианского мира произвести были не в состоянии. Дошло до того, что в XV веке Европу накрыл кризис недостатка ходовой монеты. Не из чего было чеканить деньги для торговых операций. Звонкие кругляши стирались в пальцах быстрее, чем их успевали обрезать фальшивомонетчики. Выражаясь образно, механизм стало клинить из-за дефицита смазки.

Были, конечно, потуги решить проблему на высшем уровне науки того времени. Популярность алхимиков (заметьте, сам термин, как и большинство их идей, были позаимствованы с того же Востока), обе-

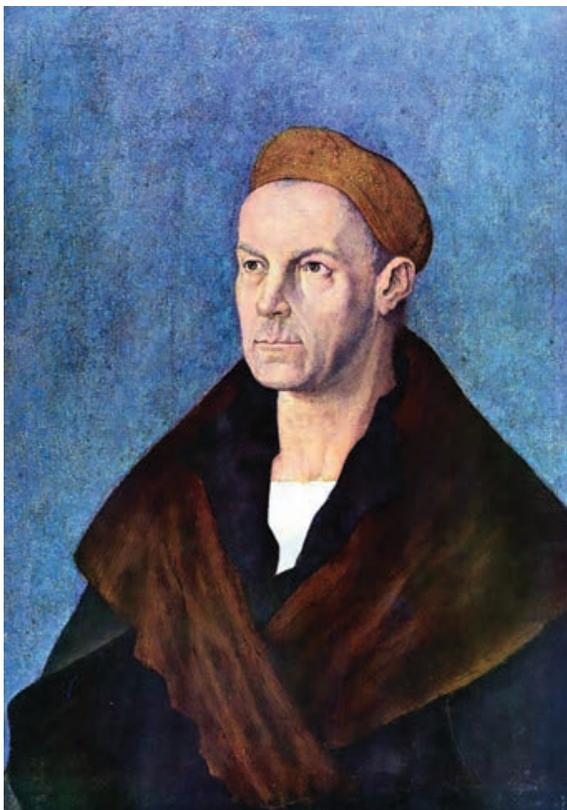
² в XVI веке португальские моряки с удивлением отмечали, что всем жителям и гостям восточных городов обеспечен равный и справедливый суд, независимо от их языка, цвета кожи и вероисповедания.

щавших трансмутацию и прочие философские камни, обуславливалась тем, что затраты на их безумные опыты из-за относительной дороговизны золота меркли по сравнению с потенциальной прибылью. Жаль, не получилось. Пришлось решать проблему более приземлёнными методами.

Нам, жителям XXI века, решение кажется очевидным – печатать деньги на бумаге. Однако мешало два фактора. Во-первых, печатный станок ещё не открыли (о нём обязательно позже), а во-вторых, за бумажными деньгами или их примитивными заменителями – векселями, поручительствами и т. п. – должен был стоять надёжный гарант. А его в разрываемой на части войнами Европе не было.

Естественно, временный выход был найден. Сначала это были ломбардские торговые дома (семьи), но их короткий расцвет был прерван политической нестабильностью в Северной Италии. Была Ганза – могучий торговый союз балтийского региона с Северной Германией включительно, но их поручительства действовали только «для своих». Но истинной силой стали банковские дома, заручившиеся поддержкой императорской (германской) власти, в первую очередь Фуггеры – этакие Ротшильды позднего средневековья. Они выдавали ссуды князьям и императорам, устраивали и оплачивали войны, кредитовали торговые операции и открытие новых мануфактур, шахт и рудников, чеканили свою монету, а когда началась колонизация Америки – финансировали экспедиции. К примеру, другой банкирский дом – Вельзеры – получил за долги Габсбургов несколько колоний в Венесуэле. А вы, наверно, и не догадывались, что там до сих пор очень много немцев? В общем, если кто помнит Маркса и описание развитого капитализма с его концентрацией производства, сращиванием производственного и финансового капиталов, монополизацией, империализмом и контролем над политикой – это как раз о тех временах (что ещё раз заставляет критически пересмотреть марксистскую концепцию смены производящих сил и межклассовых отношений).

Нет, была ещё одна сила – межнациональная, практически всемогущая, с авторитетом и традициями, разветвлённой административно-хозяйственной сетью и непревзойдённым по тем временам кадровым и интеллектуальным потенциалом. Имя ей – Римская

Якоб Фуггер Богатый (1459–1525), портрет Альбрехта Дюрера

католическая церковь. К концу средневековья она сконцентрировала огромные богатства – через взимание десятины (основной вид подушного налога в те аграрные времена), пожертвования, хозяйственную деятельность бенедиктинских и цистерианских монастырей (владевших на то время передовыми технологиями как в сельском хозяйстве, так и в ремёслах), льготы от государей – и имела реальные возможности их защищать. Её «отделения» были во всех странах, во всех княжествах, графствах и марках. Формально ей под-

чинялись все государи Европы, а реально на службе у Церкви было несколько воинствующих рыцарских орденов.

В общем, с прагматической точки зрения ничто не мешало вернуть Риму тот же фокус, что и во времена ранней Римской империи выкинул Иерусалимский Храм – стать центральным банком. Но была одна мелочь – Христос презирал ростовщиков и недвусмысленно завещал это презрение своим последователям. В итоге католическая церковь могла тратить деньги как угодно (и делала это): финансировать войны за веру по всей Европе и по её периметру, покупать оптом и в розницу итальянских горожан и кондотьеров, строить роскошные соборы, облачать своих служителей в позолоченные одежды, заказывать чудеснейшие и непревзойдённые произведения искусства, оплачивать баснословные счета гениальных художников, да и попросту устраивать бессмысленные и чудовищные кутежи (да, не без этого – богатство развращает). Но не могла давать деньги в рост. Это к вопросу о том, что деньги решают всё – нет, далеко не всё.

Одним из важных, хоть и не единственным последствием денежного кризиса стала концентрация власти. Когда доступ к ресурсу очень ограниченный, неизбежно растёт роль тех, кто его контролирует – а это были те, кто в Средние века назывался обобщённым именем *князя (princes)*: государи от герцога / курфюрста / епископа и выше. Благодаря своей власти собирать и распределять, а также завоёвывать и защищать собственность мечом, они смогли де-факто получить авторитет, достаточный для того, чтобы бросить вызов вселенской власти пап. Не хватало лишь одного – идеологии.

Здесь время вступить в публичную полемику с утверждением о том, что изменение массового сознания происходит в результате инновационных технологических открытий (примате материального над идейным в вопросах прогресса общества). Потому что конец Средневековья и приход Нового времени очень хорошо иллюстрирует всю сложность взаимоотношений этих двух начал. Более того, мы увидим, как самый что ни есть *гуманитарный* аспект предшествовал техническому.

Но для начала следует немного разъяснить читателям, детям XX–XXI веков, почему средневековое общество было совсем иным, чем наше. Необходимо понимать, что оно было в первую очередь *христианским*,

причём не в том беззубом виде, как мы его привыкли видеть, а в самом что ни есть хардкорном. Европа, десятки миллионов людей жили в ожидании Апокалипсиса и Второго пришествия Христа. Его дату постоянно высчитывали, а потом находили объяснения, почему не в этот раз. Подготовка к нему становилась целью жизни целых поколений. Добрые христиане жертвовали все свои состояния и уходили в монастыри. То он был назначен на 1260-й, то – на 1308-й. Потом пришла Великая чума, и все было подумали: ну вот оно, наконец-то. Но нет, не срослось. Конечно же, люди не били поклоны в церквях целыми днями (иначе бы просто вымерли с голоду), но идея о том, что мы живём ради скорой смерти-и-воскресения была обобщающей, тем «стержнем», который никто бы не взялся оспаривать, из серии «ну это же все знают».

А жизнь понемногу брала своё. Люди становились всё менее и менее нищими, а когда тебе не так уж плохо жить, то меньше хочется умереть, чтобы всё это наконец-то закончилось. Второе пришествие постепенно становилось сказкой, смешной поговоркой, фоном. Хотелось жить и, более того, хотелось жить лучше. И требовалось что-то, что оправдало бы такие греховные желания.

И такая философия нашлась. Звалась она *гуманизм*.

Как и полагается, зародился он там, где мысли о хлебе насущном отступили раньше, а традиция говорить и спорить не была уничтожена варварскими временами – в городах Северной Италии. Начиналось всё относительно безобидно и приземлённо. Юридическая система в старых городах оставалась римской и ссылалась на старые законы, которые, увы, сохранились не в полном виде. На греко-римское наследие (наряду с арабским) ориентировалась и медицина. Да и сами развалины римских форумов и базилик наряду с вполне функционирующими дорогами вызывали желание узнать – а что же было тогда? Что это за надписи? Кто эти люди, упомянутые в посвяительных табличках? И фанаты, обладавшие временем и деньгами, стали заниматься поиском старых латинских текстов, чтобы почерпнуть из них мудрость предков.

Библиофильство – это тяжёлый наркотик. Маньяки-латинисты стали охотиться за старыми текстами, забираться в старые библиотеки и скриптории, разъезжать по виллам в поисках утерянных свитков, копошиться в вещах умерших людей. Потом собирались ма-

ленькими компаниями и устраивали симпозиумы, где приятное проведение времени сочетали с хвастовством новыми находками.

А потом жизнь жестоко вторгалась в этот мирок эскапистов своими грязными лапами – и учёные латиноведы, оторвавшись от речей Цицерона, осознавали, посреди какой пошлости и мракобесия они живут. То ли дело при Риме...

Поскольку люди эти были мудры, образованы и известны (хоть и чудаковаты), их приглашали обучать детей из знатных семей: герцогов, дожей, богатых купцов и ремесленников. И те «подсаживали» молодёжь на ту же «наркоту», с которой не могли соскочить сами. Дети вырастали, наследовали богатства и титулы, начинали жить обычной дворцовой жизнью, но уже не могли себе представить, как подсыпать яду дядюшке, не процитировав при этом что-нибудь из Плутарха, или как можно не хотеть стать подобным Меценату. Ну и покровительствовали новым поколениям книжных «наркодилеров» от всей души.

Среди прочего копатели в древностях ознакомились с обширным наследием популярного адвоката, беспринципного политика и сладкоголосого оратора Цицерона, а также с многочисленными рассуждениями о республике и тирании. Ну, а между произведениями киников и стоиков нашли трактаты эпикурейцев³.

Самым поразительным для этих исследователей прошлого оказалось то, что центром Вселенной считался человек, а вовсе не Бог. Его мысли, чувства, желания – они, оказывается, были важны великим предкам! Нам трудно понять этот внутренний конфликт, ведь мы выросли с убеждением, что «в здоровом теле – здоровый дух», «спорт – залог долгой жизни», а «активно работая челюстями, ты помогаешь обществу». Но ведь тогда это было не так! Идеалом жизни был аскетизм, схимничество, язвы на теле и прочие стигматы, символизирующие раны Христовы. Страданиями плоти совершенствуется душа! Тело – греховно, оно тянет душу к порокам, в Ад!

А тут – ешь! пей! веселись! завтрашний день может и не настать! Ну как тут не задуматься?! И они задумались. И сделали свой выбор.

³ если кто не знает, это такие несознательные люди, которые считали, что человек рождён для того, чтобы получить от жизни как можно больше удовольствия.

В знак того, что человек стоит внимания не менее Бога (они были аккуратны в выражениях, а то Инквизиция, знаете ли...), эти деятели стали называть себя *гуманистами* (от латинского *homo*). Естественно, в концепции древних были внесены необходимые корректировки. Поскольку человек был сотворён по образу и подобию Божьему (спорить не будете? вот и ладно), то и чувства, и желания его тоже должны быть вдохновлены Им же. А значит, плоть – вовсе не темница духа, разум – вовсе не помеха спасению. Получай удовольствия, но

Ох, какой провокационной работой была эта картина... Обнажёнка, восхваление языческих идолов, да и изображена здесь дама сердца Медичи-младшего (кстати, кузина Америго Веспуччи^а), к тому времени безвременно умершая.

сочетай телесное с духовным! Человек должен *развиваться*! Человек должен *стремиться к новому*! Человек должен *совершенствоваться*! Ибо того хочет сам Творец!

Новое безбожное и полуязыческое учение стало быстро захватывать умы интеллектуалов, художников и представителей высшего

^а Чувак, в честь которого ~~открыли~~ назвали Америку

света, прекрасно сочетаясь и дополняя более старую куртуазную традицию. К концу XV века гуманизм стал доминирующим течением в Италии, а потом, стараниями Эразма из Роттердама⁴, Томаса Мора⁵ и Мишеля де Монтеня⁶ – в Северной Европе, повсюду раздувая и узаконивая ссылками на античность стремление человека получить больше, чем у него есть сейчас. Таких людей со всеми их противоречивыми чертами и амбициями принято называть детьми эпохи Возрождения.

Именно на таком взрывоопасном фоне и произошли все последующие события.

⁴ «Князь гуманистов», средневековый грантоед и бродячий философ (1469–1536). Автор «Похвалы глупости» и многих других бестселлеров.

⁵ Гуманист и канцлер Англии при Генрихе VIII Тюдоре. Автор «Утопии», с которой всё началось. Преследователь лютеран. Был съеден в подковёрной борьбе и казнён своим любимым учеником – королём (1478–1535).

⁶ Юрист, мэр Бордо, философ, педагог (1533–92). Автор «Опытов» и жанра эссе. Поразил современников своими рассуждениями о нравственности настолько, что его поминали всуе ещё сто лет все кому не лень.

Часть вторая.
L'été indien

Les livres des écoles tueront les cathédrales,
La Bible tuera l’Eglise et l’homme tuera Dieu.
Ceci tuera cela.

Учёные книги убьют соборы,
Библия убьёт Церковь, а человек убьёт Бога.
Одно убьёт другое.

«Notre-Dame de Paris», «Florence»

Abstract

*О том, откуда приходит беда, куда уходят деньги
и почему мы все такие умные*

Однако будем справедливы – без технического прогресса тоже не обошлось. Было и общее *увеличение производительности за счёт усовершенствований орудий труда и улучшения культуры хозяйствования*, как сказали бы классики марксизма. Добавочного продукта, действительно, становилось больше и вещи научились делать лучше, чем раньше, но всё равно недостаточно, чтобы конкурировать с богатым и могущественным Востоком. Но посреди общего вала мелочей было два изобретения (*инновационных*, как сказали бы в наши дни), которым поначалу никто не придал особого внимания, но которые в итоге перевернули буквально весь мир.

Первым из них были снасти для косога (латинского) паруса, позволяющие ходить не только при попутном ветре, но и при боковом (а если хороший капитан, то и при встречном). Помимо того, что он на 300 лет озадачил физиков (пardon, натурфилософов) вопросом «но как?», это мелкое, но очень ценное усовершенствование дало толчок общему прогрессу кораблестроения. Капитаны потихоньку-потихоньку

хоньку переставали бояться выходить подальше от берега, в океан, в неочертанные земли, что дало опыт для дальнейших улучшений. В общем, колесо закрутилось, и за несколько десятков лет уже появились корабли, способные пересечь океан. Не хватало только решимости. Той самой решимости, что давало гуманистическое воспитание, разжигавшее в людях честолюбие и тягу к новому.

И тут произошло страшное. Нет, не в самой Европе. На Востоке. Арабский мир, унаследовавший ресурсы и традиции самых первых цивилизаций, очень долго пользовался преимуществами «мирового перекрёстка», но пришло время расплачиваться за недостатки того, что известно любителям стратегий как «центральная позиция». Да, к ним со всех сторон стекались богатства, но и любители их отобрать – тоже. Три волны тюркских завоеваний: турков-сельджуков в XI веке, монголов в XIII⁷ и Великого Хромого Тамерлана в XV веке – подорвали основу хозяйствования в целом регионе, уничтожили огромное количество людей и превратили многие земли в пустыни, некоторые – навсегда (к примеру, некогда цветущие долины Афганистана и Северного Ирана).

Восток мог бы оправиться со временем, но тут один из осколков тюркских нашествий внезапно породил новое чудовище, которое окончательно убило Дар аль-ислам. Султан Мехмед II, пра-пра-праправнук султана Османа, захватил Константинополь, чем окончательно положил конец истории Римской империи, а заодно получил безусловный контроль над торговыми путями в Восточном Средиземноморье. Казалось бы, ну и что? Были одни – стали другие, а бизнес есть бизнес, не так ли? Нет, не так, поскольку османы стали не просто султанами – они объявили себя защитниками веры; их войска, муфтии и дервиши – все они поддерживали не просто очередного малоазийского князька, а защитника ислама. Они пришли на газават, священную войну, и торговать с врагом не собирались (ну, или собирались, но за очень особую цену). Захватив Балканы, а потом Константинополь, турки двинулись на юг и вскоре стали контролировать весь Левант, Египет и Месопотамию. Собственного флота у них было мало, но сул-

⁷ да, монголы – не тюрки, но в основном на Ближний Восток пришли кипчаки, а это были ещё те отморозки, склонные уничтожать уже хотя бы потому, что могли уничтожить

Осман I Гази, основатель Османской империи (1281–1326)

таны заключили союз с берберскими беями, и после этого Алжир на 300 лет стал синонимом пиратского государства. Предыдущий хозяин торговых путей – Венеция сопротивлялась, как могла⁸, но теряла острова и базы в Средиземном море один за другим.

⁸ см. «Отелло»

Однако я слишком быстро рассказал то, что длилось долгих 70 лет. А для современников османов это было жутким саспенсом, а то и фильмом ужасов с ощущением неотвратимого страха, от которого нельзя сбежать, нельзя спрятаться или проснуться. На Европу, привыкшую к постоянным поступлениям ценных товаров с Востока, накинута удавку и стали её медленно-медленно затягивать. Всё, что она могла делать перед лицом такого могущественного противника – вести оборонительную войну. И она вела её, отступая шаг за шагом на север и запад.

Именно в таких условиях и пришёл просить у королевы Изабеллы Кастильской денег на экспедицию бывший генуэзский капитан Христофор Колумбо, амбициозный и неусидчивый, наслушавшийся рассказов учёных людей о том, что мир круглый, а значит, не обязательно плыть на юг (в обход Африки), чтобы попасть на Восток. Тот самый Восток, куда – все это знали – долгие годы текло золото отовсюду и с которым можно торговать без посредников и заключить союз против турок. Как и в случае с алхимиками, начальные траты были немалыми, а риск – высоким, но в случае выигрыша... И королева Изабелла рискнула. Как мы все знаем, ей повезло больше, чем покровителям алхимиков, хотя понятно это стало не сразу.

В том же 1492 году случилось ещё одно событие – пала Гранада, последний оплот мусульман в Западной Европе. Закончилась Реконкиста – отвоевание Иберийского полуострова у мавров, и огромное количество испанских рыцарей, которые ничего и не знали, кроме войны, оказались не у дел. Часть выбрала благородную борьбу против турок, а другая взяла злата и поплыла туда, где бил фонтан юности, где лежала золотая земля Эльдорадо, где не было Христа и истинной веры, нуждающейся в новых крестоносцах.

Нет, они не нашли Китай, где крыши были устелены листовым золотом. Но они нашли сначала ацтеков, потом инков, а ещё золотые и серебряные залежи. И уже в 1533 году первые корабли (ещё не знаменитые галеоны, а пока лишь каравеллы), забитые драгоценными металлами, прибыли в испанские порты. С 1537-го такие корабли начинают прибывать регулярно, что можно считать началом знаменитых «золотых флотов». Последствия были предсказуемы: в Аме-

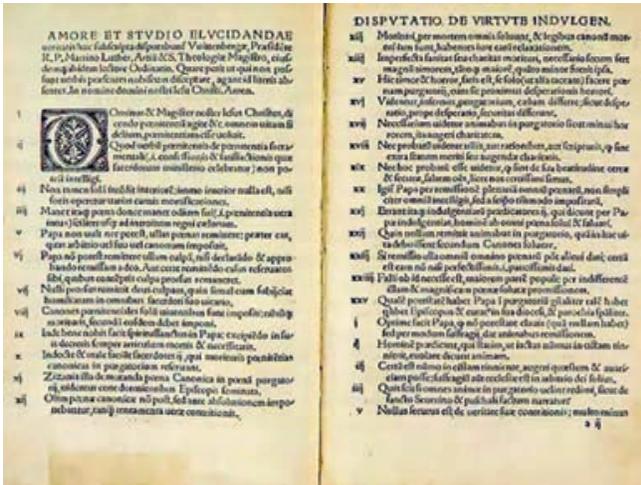
рику ринулись все, кому не лень, точнее, у кого были средства снарядить корабль. Джекпот, как Испании, не удалось сорвать никому, большинство экспедиций прогорели, а колонии не закрепились. Но начало было положено.

Однако, пока испанские конкистадоры ещё только знакомились с новыми видами тропической лихорадки в джунглях Ориноко, прыткие португальцы (собственно, родоначальники и авторы эпохи Великих географических открытий) уже получали барыши, в 1498-м добравшись в обход Африки до Индии, а после и до Явы. Везли они не золото и не серебро, а гораздо более ценный и выгодный продукт – пряности (в основном перец). На тот момент это был статусный товар, цена его неизмеримо подогревалась именно тем, *что мало кто мог себе это позволить*. Перец был легче, так что один корабль с таким грузом был, по сути, выгоднее «золотого». Что немаловажно, золото и серебро перестало покидать Европу, потому что теперь товарообмен происходил внутри региона. Более того, в силу причин, которые мы рассмотрим в другой раз⁹, деньги эти, как и американское золото, не накапливались бессмысленным грузом в сундуках, а вливались в общеевропейский рынок.

Последствия были катастрофическими. В общий доступ было выкинуто столько налички, что началась беспрецедентная инфляция. Золото и серебро за XVI век обесценилось в десятки (!) раз. Европа, привыкшая жить на сухом пайке из золотых крох, получила такой шок, что все представления о богатстве и его накоплении сломались. Для обычного человека стало бессмысленным хранить монеты – даже в течение одной жизни становилось очевидным, что деньги обесцениваются. Залогом богатства стали либо «незыблемые» ценности – земля, дом и т. п., либо же активность, движение, умение крутиться. Стабильность закончилась, настала типичная эпоха перемен (тм), в которой умения, воспитываемые гуманистами, стали ещё более востребованными.

Кстати, неочевидным, но приятным бонусом от инфляции стало то, что ударила она не только по Европе, но и по её смертельному врагу – Турции. Однако у последней не было притока драгметаллов извне. В 1529-м турки не смогли взять Вену, а в 1571 году в битве у

⁹ см. главу II «Долгий век. Часть вторая. Низкий старт»

Вот так они и выглядели. Можете пересчитать, вдруг я сбился

Лепанто испанско-папско-венецианский флот разгромил алжирских пиратов, вассальных Османской империи. Турецкий *dngang nach Westen*¹⁰ был остановлен.

Однако не одними лишь географическими открытиями ознаменовалось наступление новой эпохи. 31 октября 2017 года исполнилось ровно 500 лет, как доктор богословия, профессор марксизма-ленинизма теологии Виттенбергского красноречивого университета имени Карла Либкнехта Мартин Лютер Кинг в знак протеста против угнетения негров очередной эмиссии индульгенций папой Львом X прибил к дверям Замковой церкви свои знаменитые «95 тезисов» (на правах рукописи, утверждено ВАК Украины). Как вы можете убедиться из рисунка, написаны они вовсе не от руки.

И тут нам придётся вернуться назад во времени, чтобы рассказать о роли второй инновации, приведшей к комплексу явлений, известному нам как Новое время. Проницательные читатели, вероятно, уже догадались, что речь идёт о печатном станке.

¹⁰ «натиск на Запад»

Итак, в середине XV века Иоганн Гуттенберг, потомок майнцских патрициев, изобрёл способ складывать из букв слова, а потом переносить их на бумагу с сумасшедшей скоростью – один лист за несколько минут. Нам это может показаться смешным, но прежде такого никто не делал – в смысле, не пытался разбить слова на буквы для печати. Автор такого гениального изобретения, что характерно, тут же разорился, попал под суд и за долги вынужден был отдать весь производственный цех своему компаньону-заимодателю. Однако идея не была скомпрометирована провалом, так что Иоганн тут же, в 1455-м, получил новый кредит и за год выпустил несколько книг, в первую очередь – Библию, что ещё раз напоминает нам о способе мышления людей тех времён¹¹.

Предприимчивые современники оценили изобретение по достоинству и сразу же приступили к изготовлению типографским способом продукции, пользующейся наибольшим спросом – то есть, прямо говоря, порнухи¹². Если кто хочет художественного изложения – почитайте «Башню шутов» Сапковского, там очень достоверно описано изготовление «библейских сюжетов»: Адам + Ева, Моисей + Огарь, Самсон + Далила, Амнон + Фамарь, Лия + Рахиль, Давид + Инофан и Валаам + ослица (есть подозрение, что некоторые архетипы порноиндустрии ведут свой род именно с тех времён).

Изобретение печати стало унижительным ударом для носителей старого, схоластического и в основном церковного знания. Для них книга была ценностью *per se*¹³, сокровищем, артефактом (*THE book*, если вы понимаете). Любое знание, зафиксированное в письменном виде, было априори ценным, потому что никто не стал бы тратить столько времени, усилий и материалов на производство и копирование произведения без ценности. А тут бац! – и тебе за минуту отксерили любую херню по твоему желанию. А отвечать за достоверность кто будет? (Если вы опять заметили аналогию с реакцией нашего «старшего поколения» на интернет в сравнении с газетами, то вы снова-таки на верном пути). Распространение идей становилось неконтролируемым – и это пугало.

¹¹ как мы помним, Иван Фёдоров тоже начинал не с «Мурзилки»

¹² аналогия с интернетом detected и не зря

¹³ самой по себе

Естественно, не вся печатная продукция была порнухой. Для нас. А для Церкви развратом было всё, что не способствовало смирению и спасению души. Развлекательные истории, к примеру. Или пособия по кулинарии (ибо чревоугодие – грех). Да и вообще, всё народное творчество, проникнутое духом язычества. А что уж говорить о текстах, в которых критиковались отдельные решения Папы...

Впрочем, не стоит считать противников папства (всех видов) невинными овечками. Всякое было. Да и большинство новой литературы было тоже никак не о духовных подвигах. Самый замечательный собирательный образ её оставил нам Франсуа Раблэ в своих знаменитых «Гаргантюа и Пантагрюэле». Если кто осилил – большинство книги посвящено пожиранию различных яств, испусканию ветров и обсуждению размеров гульфика. Ну, и стёбом над заумными учёными-схоластами, монахами и прочими представителями старого поколения. Печатный пресс сделал вульгарщину общедоступной, чем не мог не возмутить образованный класс.

Естественно, церковь, монопольный распорядитель истины и знания в те времена, отреагировала самым очевидным способом: стала запрещать, а когда не получилось – возглавлять и брать под контроль. Но, увы и ах, административная машина Вселенской католической церкви закостенела за тучные времена безраздельной власти над умами и не успевала за прыткостью «новых людей». Ну да, кого-то словили и посадили в темницу, кого-то даже отправили на костёр. Кому-то, в рамках символизма, сожгли книгу на его спине. Но тиснуть листовку было всё равно дешевле, чем держать штат контролирующих органов. Появление силы, которая возьмётся за это дело с размахом, было лишь вопросом времени. Вот и появился Лютер.

Сила Реформации была именно в том, что она была нова. Люди устают от старых идей, способов, шаблонов – и кто-то всегда преподносит им что-то *не то*. Католическая церковь ориентировалась на изобразительное искусство: соборы, витражи, фрески, скульптуры, картины. Ну, и на проповедь по праздникам – но и то больше не об умывыводах, а всё о сострадании и сочувствии. На то, что действует непосредственно на чувства, не обязательно затрагивая рацию и логику. Реформация же (кроме анабаптистов, опиравшихся на нищие

слои крестьян) сделала ставку на первый стих Нового Завета от Иоанна – «В начале было Слово» (евангелисты, однако). Причём слово письменное, требующее и образования, и хоть какого, но логического мышления (заметьте¹⁴, кстати, с какой яростью радикальные реформаторы боролись именно с *изображениями*). У всех реформаторов получилось по-разному... но это другая история.

Собственно, бытует странная точка зрения, что Реформация была чудовищной ошибкой, приведшей к ненужным конфликтам и миллионам смертей (да, именно такова цена религиозных войн по Европе). Странная потому, что Лютер был далеко не первым. Был Уиклиф¹⁵. Были гуситы, державшие в ужасе пол-Европы в течение 15 лет и таки выбившие себе право принимать причастие так, как им будет угодно (нам смешно, а вот для них это был буквально вопрос жизни и смерти). Господа, удивительно то, что Реформация не началась прямо в 1470-х, при такой-то разности потенциалов. Стоит поаплодировать чиновникам римского центрального аппарата, которые так эффективно «гасили пожары» в течение почти сотни лет. Но должен был наступить такой момент – и не успели. Или не захотели (усталость профессионалов – она такая). Даже сжечь Лютера не посмели, хотя он в точности повторял путь Яна Гуса.

Ну, а дальше всё пошло самопроизвольно. Гуманизм воспитал прослойку интеллектуалов, *желающих странного*; Гуттенберг дал дешёвое средство *воспроизводства* идей; Лютер дал идею, обосновал умными словами право *не подчиняться* Риму; у светских князей была дарованная обстоятельствами *возможность* не подчиняться; открытие Америки впрыснуло в экономику Европы сумасшедшие суммы, сорвавшие с петель дверцы благоразумия и подвигнувшие людей на сумасшедшие поступки. Европа взорвалась... и собралась в самую активную движущую силу мира до наших дней¹⁶. Возможно, уместна эволюционная аналогия с набором *нейтральных* мутаций,

¹⁴ Желаящие могут поискать википедийную статью «Beeldenstorm», «Иконоборческое восстание»

¹⁵ Оксфордский логик и богослов, рискнувший перевести Библию на родной язык (1324–84). Благоразумно умер прежде, чем его объявили еретиком. Идеальный вдохновитель Яна Гуса и Лютера.

¹⁶ Европа здесь – это европейская культура, а не часть света, территория

которые сами по себе прошли бы незамеченными, но в условиях кризиса, обусловленного прерыванием традиционных торговых путей, «выстрелили» с образованием новой сущности.

Вот так и получилось, что Европа, бывшая захолустьем Старого Света, прошла по лезвию бритвы и вырвалась вперёд. Удивительное совпадение факторов. Европа была слишком слаба, чтобы завоевать Восток, но слишком сильна, чтобы пасть перед его натиском. Она была достаточно раздроблена, чтобы побудить конструктивную конкуренцию, но не слишком, чтобы погрязнуть в анархии (для сравнения, ни пресловутая экспедиция Баурджеда¹⁷ в Древнем Египте, ни Чжэн Хэ¹⁸ из Китая эпохи Мин – оба примера из сверхцентрализованных обществ – не привели к тем же последствиям, что путешествия Васко да Гамы и Колумба, потому что без конкуренции внутри внешняя экспансия оказывается невыгодной). Европейцы оказались развитыми ровно настолько, чтобы в момент кризиса дорваться до практически дармовых ресурсов Нового Света (учитывая разницу в технологическом и культурном развитии) и подстегнуть ими «внутривидовую конкуренцию». И, по сути, история Нового времени – это история того, как конкурировали между собой в рамках этой уникальной возможности европейские силы и почему сильнейшей из них оказалась та, что находилась в «медвежьем углу» самой Европы.

Acknowledgments

Советую перечитать «Собор Парижской Богоматери» критически (опустив романтический сюжет), а также пересмотреть с переводом «Notre-Dame de Paris»¹⁹. Фигура Фроло в нём очень глубокая и трагическая: это человек, понимающий, что приходит новый мир, который уничтожит всё, чему он был предан, но не находящий в себе сил измениться вместе с этим миром.

¹⁷ Полулегендарное путешествие чиновника Древнего Египта на юг до озера Виктория, описанное в романе Ивана Ефремова «На краю Ойкумены».

¹⁸ Китайский чиновник-евнух (1371–1435) эпохи Мин, возглавивший семь крупных морских экспедиций, в частности достигнувших Африки. После смерти его достижения были официально признаны ненужной тратой средств.

¹⁹ Здесь должна стоять ссылка на песню «Florence», слова которой вынесены в эпиграф. Не полнитесь поработать албанским вирусом, зайдите на YouTube и послушайте её (там и субтитры есть).

(eaten by specially trained mus musculus)

А пока христианнейший Бурбон всея Франции Карл Х⁴⁴² боролся то с гидрой Конституции в братской Испании, то с угнетением христиан на просторах Турции, то алжирскими террористами, у него дома случилась досадная неприятность – его свергли. Как в воду смотрели «венские старцы» – все беды опять произошли от парижан. Уж и бдели, и шпионов расплодили, и оппозиционеров в Булонский лес в багажнике на дуэль всем офицерским корпусом вызывали, но пока был на троне умный брат Людовик XVIII, то ещё всё держалось, а как сел младший-дурак, то сразу захотелось обратно свободы, равенства, братства, любви по разумным ценам и яйцо вкрутую ©. Не спасла даже показательно удачная войнушка в Алжире.

Кстати, о той революции говорили, что её сделали буржуа. Оно-то так, только слово это имело немного другой оттенок, ещё не испорченный Карлом и Фридрихом. В общем случае оно означало гражданина, горожанина, жителя города, который не был нищим. При более специфическом рассмотрении, это тот, кого сейчас в некоторых кругах принято презрительно называть *креаклом* – представитель «креативного класса», близкий по значению к нынешнему французскому *artisan* – художник, производитель чего-то «крафтового». Вот такие странные люди в июле 1830-го сначала повадились гулять по бульварам и кричать обидные вещи о Его Величестве, затем принялись внаглую пить кофе под полицейскими участками, а потом и вовсе взяли за оружие. «Танками этих бездельников давить,» – как сказал бы главный жандарм Европы Николай, будь у него танки. А по причине отсутствия оных было сказано что-то о пушках и штыках. Конкретику никто не запомнил, потому что Николай постоянно говорил это в разных вариациях, начиная с декабря 1825-го. А ещё потому, что ни пушек, ни штыков он до Парижа не дотянул, так как у него было полно своих проблем.

Дело в том, что за 15 лет, прошедших от окончательного решения наполеоновского вопроса, выросло новое поколение, пороха не нюхавшее, войны не видавшее, зато рассказов о том, как «были люди в наше время», наслушавшиеся⁴⁴³. Существующая реальность их не удовлет-

⁴⁴² 1757–1836. Он же граф д'Артуа до коронации. Младший брат Луи XVI и XVIII. Король Франции (1824–30).

⁴⁴³ N. В. То, что в наше время такая разница составляет уже не 15–20, а 8–10 лет, лучше всего иллюстрирует ускорение темпа жизни.

Картина, вопреки распространённому заблуждению, вовсе не о Великой Французской революции или Парижской коммуне, а об июле 1830-го. Кстати, обратите внимание на франта с ружьём. Это парижский денди. Мало кто понимает, но он – нелепая фигура. Приблизительно как айтишник с битой или светская львица, выцарапывающая наманикюрными пальцами тротуарную плитку

воряла, что в принципе норма для молодёжи, да никто и не пытался «потакать бунтарям и бездельникам». И как только стараниями если не газетчиков, то сплетников, новость о революции в Париже докатилась до остальной Европы – там тут же полыхнуло. Причём сразу со всех краёв. Как в том анекдоте: «А я думал – везде началось».

Вспыхнули восстания в североитальянских квази-независимых княжествах. Взбунтовались польские части, которые Николай хотел отправлять на подавление бельгийской революции. Митинги прокатились по Британии, Германии и Австрийской империи.

Но больше всех, конечно же, отличились в Брюсселе. Дело в том, что Венский конгресс, пытаясь создать вокруг подозрительно либе-

ральной Франции кольцо «буферных» государств, решило удалить трещину, расколовшую Нидерланды при Филиппе II⁴⁴⁴, и, поскольку различия между католиками и протестантами уже мало кого волновали, присоединить бывшую Испанскую часть к северу, к Голландии, где штатгальтер уже эволюционировал в тру-монарха. Выяснилось, однако, что за 200 с лишним лет «братские народы» привыкли жить в отдельных квартирах, и теперь в коммуналку съезжаться не хотели. Голландцы считали бельгийцев святошами и лицемерами, те их в ответ – твердолобыми пуританскими занудами. В общем, сводники из Великих держав получились никакие.

В такой ситуации революция может начаться из-за того, кто-то слишком громко чихнул. Вероятно именно это и произошло 25 августа 1830-го в брюссельской опере. Культурная публика, как вы понимаете, не любит невеж, а страна и так была наэлектризована из-за новостей из Франции. И потому, наверно, зрители, покинувшие оперу после очередного популярного представления⁴⁴⁵ решили не расходиться, а объявить независимость, республику и конституцию – причём всё тут же, на площади. Флаг быстро сшили из трёх первых попавшихся цветных полосок в соседней мастерской – и пошли к зданию королевского наместника. Слово за слово – и в Брюсселе больше нет голландской власти. И, что куда серьёзней, на сторону восставших перешла значительная часть небольшой нидерландской армии. В общем, после краткой войны Голландия сказала «дануна...» и отошла на старую привычную границу.

В общем, ходите в оперу, ибо искусство – великая сила.

В сформировавшемся апдейтнутом европейском порядке Бельгия внезапно стала самой либеральной страной, переплюнув даже Британию. Здесь не действовала цензура, не подвергались преследованиям по политическим мотивам всякие неблагонадёжные личности (ну, кроме уж откровенного покушения на власть), а газеты имели свойство печатать то, что думали журналисты, а не глава полиции. В результате Брюссель стал неформальной столицей политэмиграции, и очень многое из того, что произошло в Европе за последующее

⁴⁴⁴ См. главу II, Долгий век. Часть вторая. Низкий старт

⁴⁴⁵ отмечу, что Верди тогда ещё не творил, а опера была местом коллективного развлечения, чем-то вроде кинотеатра сейчас

Хорошо, когда есть плиточка

столетие, корнями уходит в брюссельские пивные, где выдающиеся смутьяны эпохи перемежали написание манифестов с дегустацией знаменитого монастырского пива.⁴⁴⁶

Но вернёмся к Франции. Революция там произошла настолько быстро, что никто из революционеров даже поссориться между собой не успел: ещё в понедельник Карл X публикует ордонансы⁴⁴⁷ о введении цензуры, роспуске нижней палаты парламента и запрете избираться депутатами коммерсантам, а в полночь с пятницы на субботу уже бежит из ~~Межигорья~~ Версаля в направлении границы, где-то по пути подписывая отречение в пользу внука⁴⁴⁸. И, хотя сами Бурбоны так и остались уверены, что переворот был спланирован и координировался из... ну вы поняли... оттуда... но сами французы, и, в частности, парижане особых целей кроме знакомого нам: «Пой-

⁴⁴⁶ Кстати о манифестах. Именно в указанный период в добропорядочном еврейском семействе Марксов произошёл неприятный инцидент, после которого мальчиков перестали называть Карлами. Так вот, знаменитый призрак, бродивший по Европе ещё 150 лет, родился как раз в Брюсселе, на съёмной квартире неподалёку от главной площади с её многочисленными пивными).

⁴⁴⁷ указы

⁴⁴⁸ сын, говорят, был взбешён

мите, вы нас достали!» – не выдвигали. Так что захватом телеграфа, телефона и интернета, согласно заветам Вождя и Учителя, пришлось заниматься людям серьёзным, рассудительным и богатым – ситуация, опять-таки, нам очень знакомая.

Эти люди, в отличие от хипанов с охотничьими ружьями на баррикадах, немного знали за международную политику и «венскую систему», так что в сторону республики даже рыпаться не пытались. На трон единогласно⁴⁴⁹ был выдвинут новый монарх, либеральный. Европа, имевшая на тот момент кучу своих проблем⁴⁵⁰ согласилась с соблюдением формальных условий, хотя на нового монарха всё равно поглядывала с недоверием, как на запятнавшего свои породистые руки связями с презренным плебсом⁴⁵¹. Звали этого человека... пардон, короля, Луи-Филиппом I (и единственным), и был он из того рода, о котором я уже упоминал раньше⁴⁵².

Младшие ветви больших королевских домов часто заигрывают с либерализмом. Не стали исключением и Орлеаны, как их звали – потомки Филиппа, герцога Орлеанского, племянника⁴⁵³ короля-солнца. Правнук Регента Филиппа охамел настолько, что во времена Революции⁴⁵⁴ сменил имя на Филипп Эгалите⁴⁵⁵ и пытался доказать, что он будет лучшим монархом, чем предыдущий⁴⁵⁶. В общем, от гильотины в 1793-м его это не спасло, но пиар был нехилый. Сын его за времена Реставрации успел прослыть одновременно настоящим оппозиционером и человеком, понимающим, как вести дела. Вот так и получилось, что уже за несколько дней до официального отречения Карла X недоразогнанный парламент избрал королём Луи-Филиппа. А заодно принял и конституцию, чтобы соответствовать. В общем, получился такой себе гибрид.

⁴⁴⁹ то есть одним голосом

⁴⁵⁰ ибо революции, как уже было сказано, начались буквально повсюду

⁴⁵¹ Кстати, аналогичную штуку через пару месяцев сыграют и в Бельгии, пригласив на престол очередного вдового немецкого принца, уже знакомого нам по предыдущей главе.

⁴⁵² См. главу VI, Бумажный дракон, мудрые дети

⁴⁵³ а на самом деле – сына

⁴⁵⁴ той самой, первой

⁴⁵⁵ Равенство

⁴⁵⁶ чем заслужил презрение всех монархов Европы, включая «Великую» Катерину

*Луи-Филипп Орлеанский (1773–1850), король Франции (1830–48).
Не, ну чем не король?*

Новоявленный монарх, не мудрствуя лукаво, обратился к народу с кратким воззванием: «Обогащайтесь!». И, как говорится в одном пошлом анекдоте, всё зае...лось.

Нет ничего лучше из литературы для понимания той эпохи, чем «Граф Монте-Кристо» Дюма-старшего. Попробуйте прочесть его не как занудный роман о злодействе, мести и раскаянии, а как свидетельство эпохи: с подстриженными бородами, чёрными фраками, неперенными ссылками на Бога, запретами на всё (включая обгон карет на трассе), полицейским сыском и паспортами, позволяющими проехать из одного города в другой. Бедный Эдмон Дантес не случайно отсидел именно 14 лет – он сбежал ровно за год до свержения

Опять хочу в Париж

Бурбонов⁴⁵⁷, а в Париж приехал в самый разгар биржевого безумия, охватившего новую монархию. К слову, практически все романы Дюма-старшего⁴⁵⁸ и написаны-то при Луи-Филиппе и несут на себе отпечаток времени.

Луи-Филипп выбрал путь «золотой середины», то есть, в итоге, его ненавидели все, кроме небольшого количества очень влиятельных людей, имевших с власти прямой профит. Его ненавидели «лялисты» за то, что он сверг Бурбонов; его ненавидели бонапартисты за то, что он мешал возвращению наследников Наполеона I; его ненавидели социалисты (как утописты, так и тайное «Общество времён года» имени прото-анархиста Бланки) за расстрелянное восстание лионских ткачей⁴⁵⁹ и вообще за всё то, за что пролетариат обязан ненавидеть буржуев; либералы ненавидели его за манипуляции избирательным законодательством, цензуру и прочие угнетения личности и гражданского общества; консерваторы – за культ бездуховного обогащения и дарование дворянства дельцам и хапугам; интеллек-

⁴⁵⁷ после чего ему, как бонапартисту, вышла бы амнистия

⁴⁵⁸ между прочим, непосредственного участника Июльской революции

⁴⁵⁹ Первое в 1831-м, второе – в 1834-м. Если в первый раз восставшие сложили оружие после прибытия регулярных войск, то во второй всё закончилось «кровавой неделей».

LES POIRES,

Faites à la cour d'Amiens de Paris par le directeur de la CARICATURE.

Vendues pour payer les 6,000 fr. d'amende du journal le *Charivari*.

Sur la demande d'un grand nombre d'habitants des départements, nous demandons aux gens de la Chambre les poires qui ressemblent à notre détestable, dans l'attente où le Concilium est réuni à six mois de prison et 1,000 fr. d'amende.

Si, pour reconnaître le surnom que nous portons, vous l'avez vu en ce lieu, veuillez nous en faire part par la voie de la Chambre, nous vous en remercierons dans l'ouvrage. Voyez ces croquis infames, auxquels j'en ai peut-être dit beaucoup de détestables.

Ce croquis ressemble à Louis-Philippe, sans comparaison avec !

Alors il faudra condamner celui-ci, qui ressemble au pommier.

Puis condamner cet autre, qui ressemble au second.

Et enfin, si vous êtes convaincus, vous ne pouvez condamner cette poire, qui ressemble aux croquis précédents.

Ainsi, pour une poire, pour une bête, et pour toutes les choses grotesques dans lesquelles on se moque sans plus d'effet toute ressemblance, nous prions les gens de la Chambre de vouloir bien se prononcer sur ce point et être mille fois d'accord !!
Amiens, Montigny, que c'est la voie de la Chambre de la prison !!

Король-груша. Карикатура нарисована всего через год после воцарения Луи-Филиппа. Автор сел.

туалы ненавидели его за отсутствие реформ в образовании; клерикалы – за недостаточную верность римскому католицизму.

В общем, как он вообще правил, спросите вы? А очень просто – при помощи денег и полиции. В Франции крутились шальные миллионы, выросло целое поколение рантье – людей, живущих на процент с банковских вкладов и никогда не занимавшихся никаким трудом, ни физическим, ни интеллектуальным⁴⁶⁰. Эти люди хотели, чтобы им

⁴⁶⁰ опять-таки, возвращаясь к Дюма и «Графу Монте-Кристо», заметьте, практически все герои в уме на лету вычисляют, сколько тысяч франков в год даёт то или иное состояние – потому что это была норма жизни

было спокойно. *Everything should be pleasant*, как говорилось в одном хорошем фильме. И это спокойствие им обеспечивало одно из самых важных наследий Наполеона – система полицейского контроля.

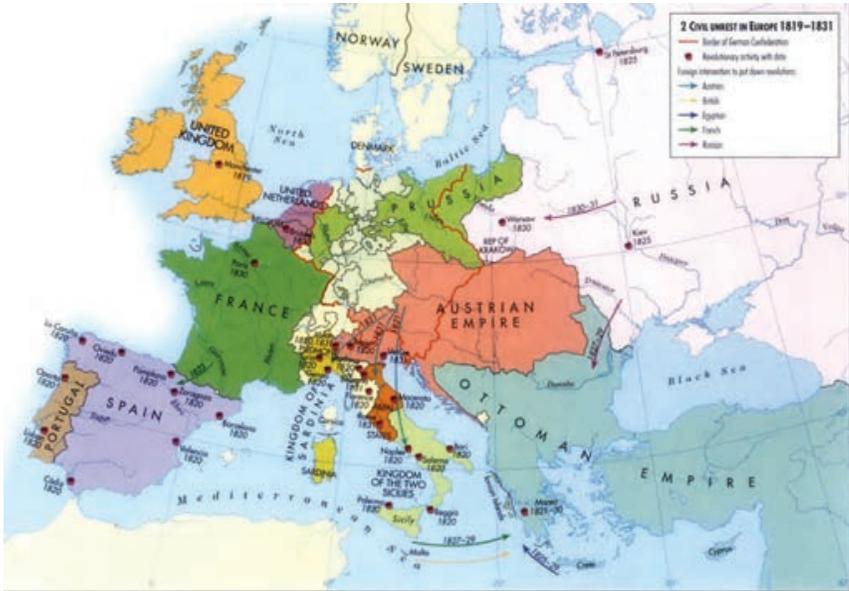
Да, для абсолютного большинства живущих ныне и живших ранее Наполеон – гениальный полководец и завоеватель, режиссер – законодатель⁴⁶¹. Однако следует понимать, что вся его империя держалась не просто на военных победах (на штыках, как известно, не удержишь), а на двух огромных столпах – пропаганде и слежке. О первом поговорим при других обстоятельствах, а вот система политического сыска была при Бонапартах поднята до такого уровня, что Бурбоны, придя на трон, даже не вздумали покуситься на такую полезную вещь. Луи-Филипп, естественно, тоже был не дураком, и ценные кадры спокойно перекочёвывали из одного режима в другой практически без потерь.

Армия, в принципе, тоже была за нового монарха, так как тот позволил им заниматься приятным делом – воевать с более слабым противником. С Алжиром, если быть точнее. Всё правление Луи-Филиппа – это постоянная война на другом берегу Средиземной лужи⁴⁶², способ добыть славу, имя, а если повезёт, то и деньги.

Времена Луи Филиппа – это эпоха своеобразной «реабилитации» после предыдущих потерь. Любители славных наполеоновских побед не любят распространяться насчёт их цены – а она была ужасной. Франция потеряла почти миллион человек, 38% мужского населения призывного возраста – в относительных количествах это больше, чем за Первую Мировую. К моменту отречения Наполеона мужчин в стране было на 15% меньше, чем женщин. Впервые с времён раннего средневековья Франция потеряла свой приоритет как самой населённой страны Европы, уступив его Германии и Австрии (а потом даже Британии!). В дополнение к потерям большинства колоний в XVIII-м веке и, мягко говоря, не очень конструктивной политике реставрированных Бурбонов – Франция стала откатываться в развитии с ужасающей скоростью. А Луи-Филипп дал волю тому, что запрещали со времён Регентства – обогащению. Естественно, никакого рационального дизайна в этом не было – хитрый жук всего

⁴⁶¹ см. Наполеоновский кодекс

⁴⁶² опять отсылаю вас к судьбе молодого Альбера де Морсера из «Графа Монте-Кристо», да и ко многим персонажам второго плана

Священный Союз монархов борется с гидрой революции. Сначала успешно, потом не очень.

лишь барахтался так, чтобы не утонуть, а для этого надо было говорить то, чего хотели влиятельные сторонники. Это было полезно в целом, но, естественно, пагубно в частностях – в миллионах жизней, которые попали под бесцеремонный каток развивающегося капитализма. И Орлеан, призванный на трон как компромиссная фигура, очень скоро оказался практически в полной изоляции, постепенно склоняясь к консерватизму. А остальная Франция пошла в другую сторону. Экономический рост дал французам точку опоры, взрастил поколение, привыкшее к прогрессу, и оно, закономерно, взбунтовалось против породившей их системы – не в первый и не в последний раз в истории.

Содержание

Вступительное слово	3
Глава I. О наступлении новых времён	
Часть первая. <i>Enfant terrible</i>	7
Часть вторая. <i>L'été indien</i>	19
Глава II. Долгий век	
Часть первая. Солнце восходит над империей	31
Часть вторая. Низкий старт	55
Часть третья. И две тысячи лет война	73
Часть четвёртая. Закат багров	91
Глава III. Владыка по совместительству	109
Глава IV. <i>The English way</i>	
Часть первая. <i>And then one day you find...</i>	125
Часть вторая. <i>The sun is the same in a relative way...</i>	141
Глава V. Король троллей	
Часть первая. Анонимус вас видит!	157
Часть вторая. Анонимус идёт на войну	173
Часть третья. Злой декан, или анонимус наносит удар	199
Глава VI. Бумажный дракон, мудрые дети	217
Глава VII. <i>Protege et liberate</i>	
Часть первая. Нет востока, и запада нет	235
Часть вторая. Сильный с сильным лицом к лицу	247

Часть третья. Он в созидањи бестолков	267
Часть четвёртая. God save the queen	283
Глава VIII. Большой концерт для маленькой компании	
Часть первая. Совбез ООМ	307
Часть вторая. Горячее лето	323
Часть третья. Романтики против реалистов	339
Глава IX. Как захватить мир, не привлекая внимания дипломатов	
Часть первая. История повторяется дважды	351
Часть вторая. Народная любовь	369
Глава X. Лекарство для нации	393
Глава XI. Ещё одна страна, где я не нужен	
Часть первая. Рисорджименто	409
Часть вторая. Presto allegro	421
Часть третья. «И грянул гром...»	433
Глава XII. Слово на букву X	443
Глава XIII. Империи умирают долго	
Часть первая. Двойной Бурбон	455
Часть вторая. Plus ultra	471
Часть третья. Прыжок в небо	495
Эпилог. Game over (ОЛЕНЬ ЗАКОНЧИЛСЯ)	517
Бонусная глава. Корпорация добра	527

Алекс Хавр

Сказки Нового Времени, или что вам не говорили в школе,
да вы и не спрашивали

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Побуждения хулиганские.

Заказать любое количество экземпляров
с доставкой практически в любое обитаемое место
можно здесь:

<https://balovstvo.me/khavr>

books@balovstvo.me – напишите, нам будет приятно :)

Волшебный пендель, запустивший процесс подготовки
и печати, выдан Алексеем Синецей. Будем считать это
не просто поддержкой, а основой всего мероприятия!
Также благодарность Sigrun Virg, сделавшей книгу красивой.

«Проект «Баловство»: игры с материальной культурой:
Бостон-Киев

Книги независимо от географии: **books@balovstvo.me**

СНГ: +380 44 586 4106

United States: +1 617 274 0635

European Union: +49 755 645 2020